

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Новичок

Из далекого прошлого

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Новичок

«Public Domain»

1891

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Новичок / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1891 — (Из далекого прошлого)

«Детский мир, как я уже сказал, расширяется концентрическими кругами, и самые сильные привязанности помещаются ближе к центру, каким является родное гнездо. Первой ступенью после него являются друзья детства, а следующей за ней – школьные товарищи...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Новичок

Из далекого прошлого

I

Детский мир, как я уже сказал, расширяется концентрическими кругами, и самые сильные привязанности помещаются ближе к центру, каким является родное гнездо. Первой ступенью после него являются друзья детства, а следующей за ней – школьные товарищи.

Может быть, недостаток материала в детской душе по части впечатлений внешнего мира, может быть, особая чуткость и восприимчивость этого нежного возраста, – но эти привязанности сохраняются на всю жизнь с особенной яркостью, и понятна та радость, которую испытывают при встрече с друзьями детства и школьными товарищами. Ведь школа – вторая семья, в которой дети срastaются тысячью своих маленьких детских интересов, радостей, забот и огорчений.

С наступлением школьного возраста я много и часто думал о будущих школьных товарищах, причем у меня уже был и готовый материал для некоторых определенных представлений. Дома я несколько раз прочитал очерки бурсы Помяловского и знал приблизительно, что меня ожидает в недалеком будущем. У нас в Висиме служил единоверческий священник, о. Николай, типичный старый бурсак, отлично рассказывавший о своем времени. Мой отец, по органическому отвращению к бурсе, никогда не вспоминал о ней. Изредка, – очевидно, в утешение мне, – он говорил:

– Конечно, теперь другое время, новые порядки, а все-таки...

В общем, у меня составила довольно определенная картина моего школьного будущего, но она совершенно исчезала, когда я начинал думать о будущих товарищах, как об отдельных лицах. Конечно, это будут поповичи, дьяконские, дьячковские и пономарские дети, Петры, Иваны, Николаи, но какие они будут сами по себе? Ведь каждый молодец на свой образец; у каждого, наконец, – своя собственная физиономия, характер и привычки; кто эти незнакомцы, с которыми придется жить в одной комнате, сидеть долгие годы в одном классе, за одной партией? Тут и будущие друзья и будущие враги... Говоря откровенно, я сильно трусил, потому что хотя рос и бойким мальчиком, но не отличался особенным здоровьем и физической силой. А бурса признавала только один закон – силу и больше ничего не хотела знать. Благодаря своей хилости я вперед знал, что не буду играть никакой особенной роли в кругу своих будущих товарищей, и в моих воспоминаниях об этом школьном периоде я являюсь самым невидным лицом.

Как я уже говорил, дедушка Семен Степаныч оставил меня у ворот моей квартиры, которая помещалась во втором этаже старого полукаменного дома с мезонином. Когда я тащил по двору свой мешок, из открытых окон меня провожали возгласы:

– Новичок приехал... Братцы, новичок!..

Ученическую квартиру держали две старые мещанские девицы, Татьяна Ивановна и Фаина Ивановна. Первая являлась главным ответственным лицом и распорядителем, а вторая заведовала кухней, которая была через двор. Собственно, наша квартира состояла всего из одной комнаты, выходившей на улицу тремя окнами и во двор – двумя; а другая маленькая комната была только дополнением. В этих двух комнатах помещалось нас шестнадцать человек, причем, конечно, о кроватях и тому подобных удобствах нечего было и думать. Спали все вповалку на полу, так что негде было, как говорится, яблоку упасть.

Но я забегаю вперед.

Первый момент знакомства с товарищами по квартире как-то у меня выпал из памяти, – и много их было, и слишком пестрая толпа. Как говорится, из-за леса невозможно было разглядеть отдельных деревьев. И пестро, и шумно, и незнакомо... Я присмотрелся к своей квартире только к вечеру, когда общая безличная масса распалась на свои естественные группы. Сначала все делились на старых и новичков, потом – по классам, наконец, – на деревенских и заводских. Новичков было почти половина и, за исключением меня, – все малыши, поступавшие в низшее отделение. Они так и жались отдельной кучкой, как цыплята, когда их курица бросает для следующего вывода.

Дореформенное духовное уездное училище¹ делилось на три двухгодичных курса – низшее, среднее и высшее отделения. Высшеотделенцы представляли собой своего рода школьную аристократию, и это чувствовалось с первого раза. На нашей квартире их оказалось человек шесть, и они в качестве привилегированных людей заняли маленькую комнату, чтобы не мешаться с ничтожеством из других отделений. Среди них оказались двое заводских, что с первого же раза и послужило для меня связующим звеном, тем более что оба оказались из Демидовских заводов. Они встретили меня самым дружелюбным образом.

– Наш брат мастерко, – говорил рябой мальчик, лет пятнадцати, с какими-то сорочьими глазами, со стоявшими дыбом волосами и болезненно улыбающимися бескровными губами. – Калены носки, жжены пятки, без подошв сапоги...

Другой, совсем молодой человек, с пробивавшимися черными усиками, заметил, что знает и моего отца и дядю. Ему было лет восемнадцать, и, как я потом узнал, он в каждом отделении проучился по четыре года и теперь приехал в высшее отделение на вторые два года, что в общем составляло двенадцать лет. Первого звали Ермилычем, а второго – Александром Иванычем.

Из деревенских выделялся прежде всего красивый, пухлый мальчик с большими темными глазами, которого Александр Иваныч без церемонии называл «просвирней».

– Много летом-то просвир напекла, просвирня?

Обиженный белел от злости, но ограничивался одним ворчаньем, причем как-то забавно отдувал свои пухлые щеки и отпячивал губы. По фамилии – Илья Введенский. Как оказалось, училищный инспектор уже назначил его, как лучшего ученика, старшим по квартире, что имело громадное значение в жизни нашей маленькой общины...

II

Мы несколько дней еще не ходили в классы, и я успел познакомиться с жизнью нашей квартиры. Мы поднимались в семь часов утра и получали по ломтю белого хлеба. Чаю не полагалось, и исключение представлял один я. Из самовара хозяйки я заваривал свой чайничек и пил один, что было очень неудобно и очень меня стесняло, потому что все остальные съедали свою порцию всухомятку. Раздавала хлеб сама Татьяна Ивановна, очень добрая и ворчливая старушка, причем выяснилось, что «любимчикам» она отдавала самые вкусные куски, именно – горбушки, а нелюбимчикам оставалось только завидовать. Впрочем, старушка руководствовалась главным образом отсутствием дурных поступков, и поэтому наш квартирный старший, Введенский, проявлявший строптивость и легкомыслие, получал горбушки реже, чем его подчиненные.

– А я ей покажу, старой карге! – ворчал он, придумывая разные школьные каверзы.

Обед был в два часа. Мы гурьбой отправлялись в маленький флигелек, где всецело царил Фаина Ивановна. Все усаживались за один стол. На шестнадцать человек подавались

¹ Дореформенное духовное училище – то есть до крестьянской реформы 1861 года.

две чашки горячего – щи, лапша, похлебка. Это было очень немного, но повторения не полагалось. Вторым блюдом был картофель или каша, а иногда молоко. Во всяком случае, из-за обеда все выходило полуголодными и захватывали с собой корочки черного хлеба, которые потом поджаривали где-нибудь в душнике печки, конечно, пополам с сажей. Особенно плохо доставалось по постным дням, когда на столе появлялись, главным образом, горошница, постные щи из крупы и похлебка из вяленой рыбы или сухих грибов. Вечером, в восемь часов, полагался ужин, уменьшенный по части питательности, сравнительно с обедом, на несколько градусов. У Файны Ивановны все было рассчитано с математической точностью, и мы голодали порядочно.

...Кроме указанных выше подразделений на классы, давность учения и происхождение, выступило, конечно, основное деление, покрывавшее все остальные, – именно, деление на богатых и бедных. Положим, все за квартиру платили одинаково по четыре с полтиной в месяц, но богатство и бедность сказывались во всех мелочах, начиная с костюмов и кончая учебниками. Я принадлежал к богатым, как все поповичи. Но если моему отцу было трудно содержать меня в училище, то каково это доставалось несчастным дьячкам и пономарям, вытягивавшим из себя последние жилы, чтобы дать детям воспитание. У этих бедняков, конечно, и белье было грубое, и костюмчики сшиты домашней рукой, и сапоги чуть не из моржовой кожи. А главную беду, после квартирной платы, составляли учебники, которые приходилось во всяком случае покупать на свои кровные нищенские гроши.

...Александр Иваныч держал себя с большим авторитетом, и, как я заметил, все другие подчинялись ему, за исключением одного Ермилыча, у которого был свой характер и которого, выражаясь по-школьному, нельзя было задевать, задирать и ячить – последнее слово исключительно бурсацкого происхождения и, вероятно, переделано из славянского глагола яти – брать.

Раз Ермилыч раскрыл свой сундучок, содержащийся в величайшем порядке, и что-то перебирал из своих пожитков. Александр Иваныч наблюдал за ним и с своей обычной улыбкой спросил:

– А где у тебя капуста?

Вопрос, по существу, был самого невинного характера; но Ермилыч весь побелел от злости, вскочил и запустил сапогом в Александра Иваныча. Очевидно, последний ожидал такого ответа и вовремя отклонился в сторону, сапог летел прямо к нему в физиономию. Ермилыч стоял с широко раскрытыми глазами и не мог выговорить ни одного слова, потому что весь трясся и его губы сводила судорога. Дело объяснялось тем, что у Ермилыча была школьная кличка Заяц, которой он не переносил и каждый раз приходил в бешенство. Тот же Александр Иваныч при всех совершенно безнаказанно мог называть Введенского – просвирней, а с Ермилычем шутить было опасно.

Прозвища и клички придумываются школьниками в большинстве случаев очень удачно, и у Ермилыча в складе лица действительно было что-то заячье. Так, у нас на квартире оказался ученик среднего отделения, которого называли Шиликуном, потому что у него была какой-то необыкновенной формы голова, конусом, и комическое выражение лица, а шиликун, по народной мифологии, что-то вроде комика при домовом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.